

Копье конного всадника представляло из себя восемь футов крепкого дерева, обитого сталью, со смертоносным наконечником. Если это оружие дать сильному мужчине, посадить на могучего скакуна и пустить вперёд на всей скорости, то ни один доспех, даже самый лучший, не сможет выдержать такой удар. Однако его всё же можно отклонить. Отбить щитом, перенаправить в сторону, дабы свести к скользящему удару по доспехам, или, на худой конец — уклониться.

Иными словами, опытный воин, при должной сноровке и везении, может принять удар и выжить.

Эйлор Таргариен был во власти ужасающе чёрной, густой и опасной ненависти, которая требовала выхода. Он хотел обагрить копьё кровью врага. Увидеть, как тот будет падать на землю холодным трупом, и вероятность того, что противник переживет его первый удар была абсолютно неприемлема. Именно поэтому Эйлор решил не размениваться по мелочам и положился на свою ловкость с рефлексам. Он направил копьё не в грудь замершего в стойке копейщика, а прямо в лицо.

Стальное острие вошло в глазницу.

Копье Сумеречного Дракона разлетелось на щепки, а неудачливый копейщик отлетел назад на своих товарищей; из правого глаза мертвеца вылетел сначала наконечник, а затем осколки кости и мозговая жидкость. В то же время драконий лорд инстинктивно использовал остатки копья в качестве дубины, обрушив чёрно-белое ясеневоe древко на шлем другого простолюдина и отбив щитом копьё с противоположной стороны щитом. Понимая, что без острия копьё бесполезно, неудобно для замаха и слишком лёгкое, чтобы причинить существенный вред, Эйлор бросил его в того же человека, которого ранее пригрозил копьём как дубинкой, после чего достал меч.

«Как-то слишком быстро началась рубка»

Когда в твой строй врзается тяжелая конница, это... это выходит за рамки физической атаки и переходит в атаку ментальную. Немало неопытных, пусть даже мужественных солдат, начали паниковать, некоторые и вовсе развернулись, но, встретившись лицом к лицу со своими соратниками, вынужденно остались в строю. Тем не менее, недостатка в противниках не было, и к тому времени, когда северяне и воины речных земель ожидаемо ударили во фланги конницы Эйлора, меч самого Эйлора уже был окровавлен от крестовины до острия.

Сумеречный Дракон в очередной раз поразился смысленности своего боевого коня — Воин благоразумно сбавил темп, и пусть не прекратил углубляться в толпу врагов, но каким-то образом всё же смог избежать тех групп солдат, которые сбились в кулаки и выставили плотные линии копий.

«Этот конь умнее большинства дворян Вестероса»

Всем известно, что убийство коня рыцаря — это бесчестный поступок. Эйлор в свою очередь

знал, что честь — это первая жертва войны, и потому всё громче молился Семерым, чтобы его скакун пережил первую атаку.

«Забавно. Я должен молиться за своих людей, за брата, в конце концов... а я молюсь за чертову лошадь»

Сумеречный Дракон не испытывал вины за это. С чего бы? Своего коня он любил. А вот большинство людей, которых знал — нет.

Если ты верхом сражаешься против пеших воинов, то сразу становишься мишенью. Особенно если ты именитый рыцарь. И особенно если не просто рыцарь, а принц Таргариенов. К счастью для Эйлора, он уже привык сражаться сразу с несколькими противниками одновременно, и к его ещё большей радости, бился он не один: едва меч лорда Сумеречного Дола вспарывал кому-то горло или уродовал лицо, как чёрный жеребец впивался зубами в другого мужчину или лягал мощными копытами третьего.

Принц в чёрных доспехах на вороном жеребце, тоже облачённом в чёрный попон и кольчугу; они ревели в такт, несли смерть и всем своим видом доказывали повстанцам — кровь старой Валирии ещё пылает.

Наконец Сумеречный Дракон и его Воин окончательно остановились, утонув в живой трясине из врагов живых, и врагов мёртвых, устилающих землю. Однако это не означало конец боя, лишь смену ритма. Пользуясь своим преимуществом в росте и силе, а также высоте жеребца, Эйлор обрушивал меч на подступающих противников и каждый раз успешно разрубал щиты, плоть, кости. Единственное, о чём ему следовало беспокоиться — тыл. Воин уже четверых убил или как минимум сбил своими копытами, а его кольчужная попона успешно защищала от ударов, но... вечно так продолжаться не могло.

К счастью, вечности не потребовалось.

Уже довольно скоро Эйлор не столько увидел, сколько просто осознал прибытие Рейгара и его пехоты: бесконечные, всесторонние вражеские мечи и копья, направленные на него и Воина, заметно убавились в количестве, поскольку у армии мятежников внезапно прибавилось целей.

Задним умом Сумеречный Дракон понимал, что битва разворачивается по всему берегу реки, что участок земли перед кровавым бродом не настолько велик, чтобы на нем могли воевать десятки тысяч человек, но для него мир свёлся именно к этому участку, к нескольким футам вокруг него и его коня.

Тактика, стратегия... им здесь не место. Стратегемы не работают, строй ломается, а опыт матёрых фехтовальщиков даёт сбой, когда на них буквально прыгают сразу трое мужчин и просто вдавливают в грязь, душат, бьют молотами по доспехам и ломают кости. Сучья свалка. Кровавая и беспощадная. Здесь никому нет дела до твоей родословной, и дворяне умирают наравне с простолюдинами; до боли символично — лорды и крестьяне лежат вместе в странном акте единства, которого никогда не смогли бы достичь при жизни.

Смерть уравнивает всех. И она не приходит красиво, уж точно не так, как поют барды, о нет... умирают люди долго и болезненно, кричат и молят о пощаде, обсираются и истекают кровью.

Порой воины, получившие серьёзные ранения вставали, не чувствуя боли от шока. Они бросались на любого подвернувшегося человека, иногда даже на союзников, если в панике не успевали распознать цвета и доспехи. Живые присоединялись к мёртвым, порождая горы трупов, и добавляя в смрад из железа, крови, мочи и дерьма, ещё большее воню.

Время здесь прекращало привычный ход. В бою время вообще не имело значения и казалось, будто каждая секунда обращается в миг и бесконечность одновременно. Тем более странной казалась смерть в бою. Вот ты ещё жив, сражаешься... а вот ты уже мёртв.

Эйлор ещё сражался. Растянутое в вечности мгновение ещё не закончилось, и он отчаянно боролся за то, чтобы оно никогда не закончилось; он резал, колол, размахивал руками и выгибался, когда нужно было увернуться от вражеского копья, блокировал удары щитом, порой и вовсе отбивался ножами или пытался вырвать чужое оружие...

Как и положено, краткий миг жизни оборвался внезапно. Ещё секунду назад, Сумеречный Дракон с рёвом пробил череп подошедшего врага, а в следующую — резко обернулся из-за взывшей интуиции. Он рефлекторно закрылся щитом, а поднявшийся из глубины души страх, ярость и жажда крови вырвались наружу в охрипшем и задушенном крике, когда копьё несущегося на него рыцаря на коне врезалось в дубовый щит, обитый сталью.

Сила была подобна приливной волне, она подбросила огромного Таргариена вверх и выбила из седла; копьё разлетелось на щепки, а Эйлор оказался переброшенным через седло Воина и упал в кровавую грязь.

Представление Эддарда Старка о войне оказалось полным и абсолютным дерьмом.

В этой безумной, хаотичной драке не было ничего благородного. Люди били друг друга чем попало — от мечей до камней. Буквально на его глазах какой-то простолюдин склонился над поверженным рыцарем с кабаном на плаще и начал бить ему по забралу шлема камнем размером с голову. Он всё бил и бил... хотя ноги рыцаря давно перестали дёргаться.

Эддард не мог позволить себе долго пребывать в созерцательном состоянии — другой рыцарь, без сигила на зелено-белом плаще, бросился на него. Владыка Севера резким взмахом блокировал вражеский выпад своим Льдом, высекая искры, после чего дымчатая валирийская сталь вонзилась в доспехи мужчины. Удар пришелся на броню. И всё же заколдованное лезвие

клинки, обладать которым Эддард даже не надеялся, смогло пробить латы и остановилось едва ли не на середине груди.

Мужчина с выпученными глазами упал на колени. Он недоумённо взглянул на Лёд, торчащий из его груди и почти отрезавший руку по плечо, затем на замершего Эддарда. С внезапным криком он дёрнулся вперёд, намереваясь пронзить голову северянина мечом, который не выпустил из своей второй, невредимой руки. Эддард увернулся, вырвал свой меч из противника, крутанулся на месте и широким взмахом снёс голову безымянного рыцаря с плеч.

Раздался громогласный хохот — Большой Джон Абмер перерезал горло воину Простора. Гигант прошёл всю битву вместе с Недом, и даже спешил, когда это вынужденно сделал его сеньор, всё, чтобы сражаться бок о бок. Он чередовал оглушительный смех с пением кабацкой песни во всю мощь своих легких, кричал о сиськах шлюх, и всё это под аккомпанемент воплей врагов, которых убивал.

С другой стороны от Эддарда доблестно сражался Хоуленд Рид. Он с впечатляющей скоростью и точностью орудовал маленьким трезубцем, периодически останавливаясь, чтобы выпустить дротик из духового ружья, которое упорно не хотел бросать. Когда именно рядом с ним появился Лорд Перешейка, Владыка Севера сказать не мог, но держался он более чем уверенно.

Врыв Эйлора Таргариена оказался стремительным и сильным. Дракон Сумеречного Дола разверз настоящий ад, который поглотил немало достойных мужей, и закрыть который отчаянно пытался Нед Старк. Атака его брата-короля была несколько менее великолепной, но не менее эффективной: она вынудила силы мятежников отступить, закрепила успех, и позволила всё большему числу лоялистов переправиться через брод и вступить в бой.

Эддард периодически ловил взгляды Короля Железного Трона. Он знал, что это король. Отличительный шлем с драконьими крыльями и белые доспехи королевских гвардейцев рядом с ним на это как бы намекали.

Поэтому, когда союзная атака кавалерии вместе с Робертом пронеслась по полю битвы, нивелируя все успехи, достигнутые лоялистами в центре, Эддард точно знал, куда он направляется. Роберт Баратеон выглядел как бог среди людей: он размахивал своим массивным молотом так, словно тот весил не больше деревянной игрушки, и оставлял позади себя мертвецов.

Направлялся он прямо к Рейгару Таргариену.

— Милорд Старк! — Убедившись, что поблизости нет никого, кто хотел бы наделать в нём дыр, Эддард обернулся к источнику крика. К нему, пошатываясь, шел рыцарь Долины с тремя красными фортами на плаще и дико жестикулировал в сторону леса в сотне ярдов за ним. Его левая рука плетью болталась из стороны в сторону при каждом шаге, держась за пару сохранившихся связок — Тыл!!!

Нед Старк проследовал взглядом за пальцем мужчины, указывающего в тыл их армии и почувствовал, как кровь в жилах стала ещё холоднее, чем обычно. Он увидел сотни мужчин в оранжевом и красном, либо верхом на дорнийских песчаных конях, либо с метательными копьями. Они выходили из леса.

«На нашей стороне реки»

Эддард мог лишь с ужасом наблюдать за тем, как дорнийцы ринулись в бой, нацелившись на тылы повстанцев. Хостер Талли уже спешил им навстречу, но Нед понимал, что у него слишком мало людей. Владыка Севера еще раз посмотрел на своего лучшего друга, Оленя из Штормового Предела, пробивающего себе путь к Дракону, после чего скрипнул зубами и обратился к гиганту.

— Лорд Амбер, в тыл! Ведите наших людей в тыл! — Он повторил приказ, который Амбер и другие лорды подхватили. Затрубил рог, предупреждая силы повстанцев о новой угрозе, и северяне Неда Старка первыми повернулись ей навстречу; их сеньор крепко сжал Лёд и лично возглавил атаку на дорнийцев, которые могли поставить крест на всей армии.

Роберт Баратеон остался в меньшинстве.

«Пусть Старые Боги даруют тебе сил, друг мой»

<http://tl.rulate.ru/book/80678/2732060>